

УДК 94(47)

**«ВЕДОМОСТИ ПАРНАССКИЕ» Т. БОККАЛИНИ И ИХ РУССКИЕ ЧИТАТЕЛИ:
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИДЕЙ
В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА**

© 2015 С.В. Польской

Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва,
Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 11.03.2015

В статье рассматривается история русских переводов «*Ragguagli di Parnaso*» (1612-1613) итальянского сатирика и политического мыслителя Траяно Боккалини (1556-1613), а также влияние его идей на русских государственных деятелей первой половины XVIII века. В приложении приводится отрывок из перевода А. Васильева (1728) «*Парнасских ведомостей*», посвященный сложному выбору граждан Митилены между республикой и монархией.

Ключевые слова: русская политическая мысль XVIII века, республиканизм, тацитизм, Траяно Боккалини, Д.М. Голицын, А.П. Вольтерский.

Переводная политическая литература в России первой половины XVIII века имела непростую судьбу, многие книги европейских авторов, распространявшиеся исключительно в рукописном виде, считались «непотребными» или даже «фундаментальным основанием благополучного самодержавства всероссийской империи весьма неприличными»¹. Особенно усердно в выявлении опасных книг действовало правительство Анны Иоанновны, так как справедливо рассуждало, что чтение этих «вредительных» книг подвигло «неразсудных» на «непристойное дерзнуть», то есть попытаться ограничить «самодержавство» в 1730 г. Неслучайно утром 9 января 1737 г. Вышний суд, уже определив приговор Д.М. Голицыну, спохватился и провел дополнительный допрос бывшего верховника о его книгах. В тот же день московскому главнокомандующему С.А. Салтыкову последовало распоряжение – «особую опись учинить» книгам и рукописям опального князя, при этом книги «Макиавеллиеву и Бакалинову» велено было немедленно сыскать и сразу же «прислать в вышней суд». Интерес судей к сочинениям Никколо Макиавелли и Траяно Боккалини был во многом инспирирован самим арестованным, который на утреннем допросе был «спрашиван о книгах» и указал, что у него имелись книги, «которых без указа печатать не можно». Как записал со слов Голицына протоколист, у князя «книга есть Махалеева, которая взята от покойного генерала адмирала Апраксина, тако ж и другая Бакалом списанная от Петра Толстаго»². 27 января поручик Боборыкин обнаружил в библиотеке Голицына «Макиавеля одиннадцать да Бокалина две книги» и отправил их вместе с рапортом Салтыкову. На

том же рапорте имеется отметка «означенные книги отданы в Кабинет»³. Что это были за книги, какие из них оригиналы и какие переводы на русский – не уточнялось. Пока следствие описывало остальные книги Дмитрия Голицына, их бывший хозяин, собравший, по словам В.Н. Татищева, «лучшую русскую библиотеку»⁴, умер 14 апреля 1737 г. в Шлиссельбурге⁵.

«Вредительные» книги Голицына, специально затребованные в Вышний суд, вскоре оказались в руках одного из судей – А.П. Вольтерского. В 1740 г. опальному кабинет-министру пришлось самому давать показания следствию, где он утверждал, что взял себе из книг Голицына все те же злополучные «Макиавелливу и Бакалиниеву». Книга Макиавелли осталась у него, а вот книга Боккалини была переписана и отдана обратно в Кабинет. После этого рукопись первого русского перевода «Государя» Макиавелли затерялась и не обнаружена до сих пор, как и многие бумаги из дела Вольтерского, а вот русский перевод Боккалини благополучно дошел до нас.

В данной статье мы попытаемся восстановить судьбу перевода книг Т. Боккалини в России первой трети XVIII века, выявить, какую рукопись читали Д.М. Голицын и А.П. Вольтерский, а также постараемся выяснить, почему это сочинение итальянского писателя считалось столь опасным и какое «дурное» влияние оно могло оказать на русских государственных деятелей эпохи.

Какая книга Боккалини оказалась в руках следствия в 1737 году? Голицын не называет нам ее, так же как и поручик Боборыкин, который отправляет 2 книги Боккалини в Петербург. Впервые ее название произносит Вольтерский на допросе 8 мая 1740 года: «из онаго бывшего вышняго суда ис книг же Дмитрия Голицына взял себе книгу Бакалиниеву под именем *Ведомостей Парнасских*, для чтения и списывания себе, с

Польской Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: spolskoy@hse.ru

которой себе и списал, а взятую отдал кабинет секретарю Андрею Яковлеву»⁶. Имеется в виду русский перевод первой сотни «Известий с Парнаса» («*De' ragguagli di Parnaso*», 1612-1613). Нам известно три рукописных списка перевода этой книги Боккалини:

- Парнаские ведомости благородного и превосходител[ь]нейшего Г[оспо]д[и]на Траяна Бакалина. Сотня первая. (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф.36. Воронцовы. Оп1. №844).

- Ведомости Парнаския господина Траяна Боккалини Римлянина. Сотня первая. Сия книга на италианском языке у Иоанна Блаев в Амстердаме 1649 года напечатанная на российской переведена переводчиком Колегии иностранных дел Андреем Васильевым в Санкт-Петербурге 1728 году. (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.310. Собрание Ундольского. №885).

- Книга о ведомостях Парнаских (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.728. Софийское собрание. №1572).

Фактически существуют два перевода первой сотни «*De' ragguagli di Parnaso*» Боккалини: 1) перевод, сохранившийся в единственном списке Воронцовского собрания, автор его неизвестен; 2) перевод Андрея Васильева 1728 г. в двух списках, первый из Софийского собрания РНБ, который находился в библиотеке новгородского архиепископа Феофана Прокоповича, и второй список, хранящийся в рукописном собрании РГБ. Если рукопись, принадлежавшая Феофану, видимо, изначально хранилась в его библиотеке, то рукопись из РГБ сменила несколько владельцев, однако имеет только одну владельческую запись на обороте верхней крышки переплета: «Сия книга дому ея сиятельства княгине Марье Михайловне Гагареней». Эта запись, по-видимому, сделана не ранее второй половины XVIII века, поскольку княгиня М.М. Гагарина (1719-1791) овдовела после смерти мужа, князя Петра Ивановича, в 1755 г. Однако филигранные этого списка относятся к 1720-30-е гг. Можно предположить, что рукопись из собрания РГБ и есть список, принадлежавший Д.М. Голицыну, и впоследствии именно его использовал А.П. Волынский. Данную атрибуцию подтверждают следующие наблюдения. Во-первых, название рукописи РГБ совпадает с тем наименованием, которое дает книге Волынский, это именно «Ведомости Парнаския», в отличие от воронцовских «Парнаских ведомостей». Значит, Волынский пользовался именно переводом А. Васильева, изъятым из конфискованных книг Голицына. Во-вторых, внимательный анализ списка РГБ показывает, что рукопись переписана несколькими писарскими почерками, можно найти минимум три разные манеры письма, которые сменяют друг друга в разных частях книги. Один из этих писарских почерков присутствует в дру-

гом русском переводе Боккалини, им полностью переписан «Камень опыта политического», эта книга вне всякого сомнения принадлежала князю Д.М. Голицыну и вошла в конфискационную опись 1737 г.⁷ К тому же обе рукописи выполнены на бумаге с одинаковыми филигранями. Можно предположить, что «Камень опыта политического» был также переведен А. Васильевым, на что указывает сходный синтаксис, близость лексических конструкций и стилистическое единство двух переводов.

Впрочем, у исследователей есть определенные сомнения в том, что перевод А. Васильева мог принадлежать Голицыну. М.А. Юсим отметил, что Голицын ссылался на то, что получил список Боккалини от П.А. Толстого, которому как раз приписывали перевод «Государя», а Макиавелли будто бы достался верховнику от Ф.М. Апраксина, «ссылка на Апраксина может объясняться тем, что он приходился Анне дядей, каковое обстоятельство смягчало его предполагаемое обращение к Макиавелли»⁸. Сомневаясь в показаниях Голицына в данном случае, М.А. Юсим доверяет ему в отношении «Парнаских известий», утверждая, что «это не мог быть перевод А. Васильева, сделанный в 1728 г., когда Толстой был уже в ссылке»⁹. Однако Голицын говорит на следствии о книге «Бакалом списанная» (правильнее, видимо, «писанная»), которая взята «от Петра Толстого». Вероятно Д.М. Голицын ведет речь об амстердамском издании Боккалини, которое он получил из библиотеки опального П.А. Толстого. Д.М. Голицын был одним из виновников падения Толстого и членом следственной комиссии над ним, против него он объединился с А.Д. Меншиковым и А.И. Остерманом весной 1727 г.¹⁰ Вряд ли в 1720-е гг. у князя Голицына были близкие отношения с бывшим «однокашником» по итальянскому обучению Толстым, который числил его среди своих врагов. Поэтому вероятно, что Голицыну досталась часть библиотеки уже сосланного графа. Примечательно, что в описании голицынской библиотеки 1722 года, сделанном сыном князя Сергеем Голицыным, нет ни одной книги Боккалини¹¹, но они появляются в реестре 1737 г. Скорее всего книга Боккалини оказалась у князя именно в 1727 году, тогда же он заказал перевод с итальянского у Андрея Васильева, который и был готов в 1728 году. Васильев в октябре 1726 года закончил перевод с итальянского «Жития Флавия Веспасиана, единого себе имени и десятого императора римского»¹², это сочинение известно только в единственном черновом списке, который фигурирует в конфискационном реестре книг Голицына под № 62¹³. Все это свидетельствует о том, что возможным заказчиком этих переводных сочинений у Васильева мог быть сам Д.М. Голицын.

Еще А.И. Соболевский отмечал, что перевод Васильева «точный, но удобопонятный» и

его язык «русский, с некоторым количеством церк.-славянизмов», что отличает его от раннего перевода «Жития Флавия», перегруженного славянизмами¹⁴. Переводы РГБ и воронцовского собрания сделаны с разных изданий «Известий» Боккалини, нумерация «ведомостей» у них иногда не совпадает. Хотя Васильев указывает как источник перевода амстердамское издание 1649 года, в действительности такого издания не существовало, издание И. Блау вышло в 1669 году, и по-видимому дата, указанная переводчиком является простой опiskeй¹⁵. Перевод из воронцовского собрания во многом стилистически близок переводу Васильева, его также можно датировать первой половиной XVIII века, хотя он кажется более тяжеловесным и менее удобопонятным¹⁶. В то же время неизвестный переводчик часто выступает как комментатор, поля рукописи испещрены толкованиями новых и непонятных для русского читателя терминов, встречающихся в тексте¹⁷. А. Васильев редко, но все же дает пояснения, довольно точные, чаще пытаюсь использовать знакомую русскому читателю лексику или предлагая альтернативные варианты значений. В сравнении двух переводов перевод Васильева выглядит более профессионально, в то время как перевод воронцовского списка скорее напоминает ученические переводы этого времени, в то же время стиль Васильева более гладок и отработан, хотя он часто прямо следует за фразой оригинала, перенося в русский текст даже знаки препинания из итальянского издания.

Таким образом, Д.М. Голицын и А.П. Волынский ознакомились с книгой Боккалини в переводе Андрея Васильева. Какие идеи они могли встретить на ее страницах и какие «опасные и вредительные мысли» могло породить это чтение? Итальянский сатирик и политический мыслитель Траяно Боккалини (1556-1613) был известен как горячий сторонник республиканских добродетелей и свобод¹⁸. В «Ведомостях Парнаских» он восхваляет Венецианскую республику устами «высокославной вольности римской», которая говорит, что Венеция «будучи чистою аристократиею, тако ж совершеннейшею формою республическою, какова в вол[ь]ном народе основана быти может, ради преизбранных своих прав, которые обещают ей долгое и щастливое житие, без всякаго сумнения превосходила каждую другую вол[ь]ность настоящую и пришедшую»¹⁹. Д.М. Голицын, получивший образование в Венецианской республике, скорее всего, разделял симпатии Боккалини. А.С. Лаппо-Данилевский отмечал, что «пребывание Голицына в Италии оказало влияние на его литературные вкусы: эмпирическое направление, внесенное в политику макиавеллизмом, и морально-политические положения, которые в виде поправки к макиавеллизму были предложены важнейшими итальянскими по-

литиками XVI и начала XVII века. Кроме общих положений Голицын мог усвоить себе из той же литературы и более частные выводы, например, предпочтение большинства итальянских политиков к Венецианской республике, и такое знакомство могло отразиться на последующих его политических планах об ограничении русского самодержавия и об обязанностях верховного тайного совета; совет вообще должен был стремиться к пользе государственной, соблюдать законность в управлении, все дела государственные содержать в тайне и между прочим «стараться прилежно о распространении во всем государстве нелицемерного правосудия, строго преследуя судом судей неправедных»²⁰.

Идеи Боккалини лежат в русле так называемого тацитизма – течения в общественной мысли XVI-XVII вв., связанного с возрождением интереса к трудам римского историка Тацита и актуализацией его идей в политических дискуссиях. Показательно, что Тацита использовали как республиканцы в своей критике монархов-«тиранов» и их преступных фаворитов, так и монархисты, обосновавшие неограниченные права королей в борьбе со смутами и раздорами гражданских войн. Тацит оказался необыкновенно актуален – ученые, художники, драматурги и композиторы барокко черпали в его трудах нескончаемое вдохновение²¹. Сам Боккалини считал своим главным сочинением «Политические замечания по поводу Корнелия Тацита» (1612, впервые напечатана в 1669 г.), эта книга показалась настолько опасной даже венецианским цензорам, что наследникам было отказано печатать ее на том основании, что «Макиавелли и прочие авторы, что разрушают всю добродетель политическую, суть побег от ветвей Тацитовых»²².

Боккалини писал сатирические «Известия с Парнаса», отдыхая от работы над своими серьезными комментариями к Тациту, поэтому римский историк не покидает читателя и здесь, Боккалини часто цитирует его и ссылается на примеры из «Истории» и «Анналов». Примеры из Тацита Боккалини использует для демонстрации порочности монархических государств, развращенности и невежества монархов и их подданных. В «Известиях» государи всех монархий мира «жалобу приносят» Аполлону в том, что «на каждой день от их народов чинилися преступления толь срамныя, дела толь неподобныя, что художество Г[осу]д[а]рствования приведено к затруднению безконечному». Монархи умоляют «вселить в сердце подданных их оную горячую благосклонность, оную твердую к отечеству любовь, которая преизлиха зрится в подданных республических». Аполлон саркастично отвечает им, советуя лучше заботиться о своих подопечных, поскольку они не могут любить своих притеснителей, «понеже особая склонность человеческая

есть, дрожать лучше на стуже, неже[ли] коснети при оном огне, которой исполнявая дом дыма, выкуривает глаза до слез»²⁵. Впрочем, подданных, решивших избавиться от монарха, также ждет отповедь Аполлона, который цитатами из Тацита увещевает «ирканцев», которые вопрошают: «позволительно ли есть убивати тирана»? Парнасский монарх заявляет: «понеже точным судиею принцов есть б[о]г правдивы[й] всегда, а не народы, присно окружаемые от человек злоковарных, того ради подобает вам, *яко же беспложие, или зельное непогодие и протчее натуры зло, тако чивость²⁴ и скупость господствующих претерпевати*»²⁵.

В то же время труд Боккалини пронизывает не только ирония, но и политический скептицизм: он не верит в то, что люди способны хранить гражданские добродетели, они не нуждаются в самостоятельности и потому понукаемы правителями. В одном из «известий» Н. Макиавелли, который овцам «хитрствовал наладить в их ртах зубы вставные собачьи», т.е. дать знания о политике простым людям, осуждается парнасскими судьями, поскольку «весь свет обратился бы в пожарище, ежели б покушеность делать простаков лукавцами, и вставлявлять глаза оным кротам, которых зело осмотреливо мать натура слепыми сотворила»²⁶. Еще более интересна «Ведомость 39», в которой Боккалини возвращается к вопросу, поднятому Макиавелли в 16 главе своих «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия»: «Насколько трудно народу, привыкшему жить под властью государя, сохранить затем свободу». Жители о. Митилена (Лесбос) после смерти государя, не оставившего наследников, решают установить республику и заимствуют «права жителя вольного» в Венеции, один из граждан предостерегает их в пространной речи, где, воспев оду «вольности», он все же утверждает, что «основати вол[ь]ность в н[а]шем отечестве есть дело паче невозможное, нежели трудное», поскольку народ «который родился, воспитался, обжился, и даже

заматорев состарелся в раболепстве <...> вес[ь] ма не может жити в вол[ь]ности, потому что республики сочиняются паче от добраго состояния умов гражданских, имеющих размер к житию в вол[ь]ности, нежели от законов или прав»²⁷. Так и случилось, народ Митилены не захотел пользоваться стеснительными «благами» республики, пожелав вернуться к монархии. В приложении мы целиком приводим перевод этой «ведомости» Боккалини. Для Голицына и Волынского, участников и свидетелей событий января-февраля 1730 года, эти рассуждения Боккалини должны были иметь особый смысл. После смерти Петра II, последнего представителя мужской линии Романовых, русской аристократии представился шанс «основати вольность». Скорее всего этот отрывок Д.М. Голицын прочел еще до того, как отважился на известную «затейку», и рассуждения Боккалини не остановили его решимости. В разгар событий 1730 года он спрашивал датского посла Вестфалена: «quelle des (deux formes de gouvernements) je croyois être la meilleure (la Suédoise ou celle de l'Angleterre)»²⁸, видимо он признавал, что венецианские «права» все же не подходят к отечественной почве. После того как Анна Иоанновна надорвала «Кондиции», Д.М. Голицын вполне мог вспомнить «митиленскую» речь из книги Боккалини, поэтому слова, которые Манштейн вкладывает в уста верховника («*le repas étoit apprêté, mais les convives n'en étoient pas dignes*»²⁹), звучат вполне правдоподобно.

Трагическая ирония и скептицизм, что присутствуют в письмах или высказываниях А.П. Волынского, о которых часто вспоминают его конфиденцы на следствии, возможно, также восходят к книгам тацитистов Т. Боккалини и Ю. Липсия. Интересно, что уже в 1730 году в своем известном письме Волынский столь же скептически, как «митиленский гражданин» у Боккалини, оценивал попытки обрести «вольность» у людей «застаревших в рабстве»³⁰.

Приложение

Из русского перевода «Ведомостей Парнасских» Т. Боккалини (1728 г.)

/л.97об/

Ведомость 39я

Народы острова Митилина, после смерти своего князя, не оставивши наследников, чинят прение, что будет им полезнее, новаго ль князя избрати или установить в отечестве своем вольность.

Понеже славнаго острова Митилина³¹ народы, у которых напоследок не токмо умре Государь их природный, но с животом его вовсе погасла кровь королевская, обретались без правительствующаго принца, во многих своих сеймах совет держали, чтоб лучше было им: продолжать ли житие свое под монархией, выбрав какова новаго принца или воспринять высокоизбранное намерение, от чего многие народы великое себе щастие достали, ко основанию в своем отечестве вол[ь]ной державы. Великие и вельми опасные споры произошли на сие важнейшее дело, и уведомясь, что некоторый знатнейший гражданин в последнем сейме, нарочно для решения сего дела определенном, отправил речь с таковым рассуждением: «Два, любезнейшие мои граждане, суть главнейшия благополучия, каковы от безсмертнаго Б[о]га приемлютца в сем мире, а имянно раждатися человеком, а не скотиною, свободным, а не рабом. И воистину со многим резонем, понеже кое /л.98/ лутчее блаженство в настоящем сем житии может кто получитьи, как точию повиноватися бы законам божеским и человеческим. И сий

бисер может равно подобиться богатому сокровищу, исполненну всех дражайших камней ориентал[ь]ных, ко обезопасению живота, богатства и чести от самоприхотливой одного токмо человека воли, которая зело склончива есть к содеянию дел непристойных? Никто же из между нас паче мене исповедует, что вольность есть прелюбезный и предрагий дар его же бессмертный Б[о]г по особливой милости уступает точию своим любезнейшим, и глаголю, что кто не знает ю, есть слеп, кто не почитает ю, глуп, и кто со всем сердцем не ищет ея, есть немилосердый враг себе самому и своему отечеству. Но, дражайшие мои, подобает разсудити, что якоже суть дражайшие оные бисеры, которые редко между человек зрятся, тако долженствуем рещи, что совершенная вол[ь]ность в народе человеческого есть дражайший и пржеделаемы[й] бисер, понеже есть редчайшая во языцех. И да будете известны, что якоже от всемогущей силы небесной суть сотворены драгие камыки Пироп и Диамант³², а не драгие суть оные, их же по подражанию Божеского /л.98об/ художника строят человецы, тако бисер вол[ь]ности нарещися может божескую тварию, паче нежели работаю человеческою. И что аще с оным счастьем нанеже как вижду вероятно полагаетеся было бы возможно уставляти державу вол[ь]ную там, где многое время царствовала монархия, то ради вол[ь]ности, яко зело от всех народов желаемой не бы обрелися монархии в свете, потому что народы, к получению толь полезного счастья, вси бы мстилися в вол[ь]ности; и тако понеже монархии суть многия, а республики не многия, потребно нам ясно досмотрети, что основати вол[ь]ность в н[а]шем отечестве есть дело паче невозможное, нежели трудное, и дар, его же подобает паче мол[ь]бами умоляти от величия божеского, нежели уповати от каждаго разума человеческого. Ниже да возбудит вас пример толиких республик, каковы с немалым счастьем народов их недавно уставлены в Германии³³; понеже примеры не пристают со изъятием разве тех мест, где способствуют самые обстоятел[ь]ства; и что вел[ь]ми великии неразм[е]ры есть между германцов рожденных почти в полсвободном житии; от которого состояния благополучное имеется прехождение к получению всея или целой вол[ь]ности, а мы, которые от нашего принца претерпевали всегда целое раболепство толико обретаемса далеки от пристыжения совершенной вол[ь]ности, что от сего к другому краю не можем /л.99/ приходить не доставя себе и своему отечеству явного разорения. Уступаю вам, что некоторые принцы некогда хотя и происходят прихотливы, неистовы, нечинны, и что безопаснее от сих зол было бы в знак крайняго счастья, однако ж рщыте и вы со мною, что в свете не может быти ни пуще прихотливая, ни пуще неистовая, ни худше безчинная Г[о]сп[о]д[а]рня³⁴, как одна республика злопорядочная, как одна область смутолокая. Един народ н[а]шему подобны; который родился, воспитался, обжился, и даже заматорев состарелся в раболепстве; якоже вси писатели и повествователи политических поведений исповедуют, вес[ь]ма не может жити в вол[ь]ности, потому что республики сочиняются паче от добраго состояния умов гражданских, имеющих размер к житию в вол[ь]ности, нежели от законов или прав: ибо слово в слово, как младая лоза скоро изсыхает, аще она от земледел[ь]ца посажена бывает подле застарелого древа, насупротив же того благополучно прозябает и дает преизобил[ь]ные плоды, егда она посажена бывает подле одного древца, аки подле мужа своего, равно возрастнаго; так и младая лоза вол[ь]ности негодует окореняться и издавати плоды довол[ь]ствия, аще она насаждается близ какова либо древа древняго, близ одного народа уже состарелаго /л.99об/ в раболепстве, ибо гордыня шляхетская и крамола простолюдская, яко главнейшие вольнаго жития враги, младую лозу новичной вол[ь]ности, высосав из нея коренную влагу³⁵, дающе ей живот в скором времени всеконечно суху бы сотворили.

Сия истина, юже аз глаголю, явно касается к примеру так ясному, якоже редкому всех вол[ь]ностей настоящих и предшедших, а особливо бессмертной республики венецкой, которая будучи младою лозою посажена с малым древцем народа венецкаго незадолго пред тем рожденного в оных озерах, роспустила тамо толь глубокия и сил[ь]ныя корения, что ныне своим гражданам подает благоуханнейшие плоды безопасной вол[ь]ности. Но безумие есть, еже уповати бы в нас премены обычаев, ибо оные не так щасливо пременяются, как бы некто переменял одежды. Ум бо во всяком своем деле требует быти спокоен, а воля благосклонна к признанию за вышшаго себе того гражданина чиновнаго³⁶, который по домашнему хотя б и был нижайший его, быти богату млади, а во унижением бы почитати стара убога, после Б[о]га паче сынов и богатств, даровати бы всю свою любовь отечеству, собственные интересы предлагати бы во общеправител[ь]ную пол[ь]зу, правил[ь]но между друзей и между сродников чинити суд в делах градских /л.100/ и придчинных, страшитися в жестокости прав, в области вол[ь]ной стяжевати богатства княжеские, а сердце имети бы гражданское, со умерщвлением себя самага, просити бы покорно о поноровном голосе у своего нижайшаго, и напоследок в делах статских³⁷ имети бы оную молчаливость, и стяжевати все оные обычаи вол[ь]наго человека достойные, каковы зело исправны зрятся в каждом шляхтиче венецком. Наука сия есть такова, которая не учится из книг, ни от гласа человеческого, но от во отечествах вол[ь]ных рождающихся приносится из чрева матерей и пьется со млеко. Аще (яко же слышу, что мнози того желают) пошлете в Венецию требовать прав жития вол[ь]ного, без сумнения от оной преизбраннейшей республики даны Вам будут права самые превосходные, но как одежды, так права не всем персонам на стат бывают³⁸, и что благополучие от божеска величия человеком имело бы быти уступлено

презело велико, аще бы им егда в половине м[еся]ца июля бывают опаляемы солнечным зноем, дозволилось ходить по лесам и избирати тамо что ни бол[ь]шаго платана³⁹, и преносити бы его в свой огород, и пользоваться сению его. Вол[ь]ность, аки младое древцо, между народы насаждаемое с превеликою трудностию растет и приобучается, понеже требует /л. 100об/ быти оная непрестанно новыми правами смотря по случаям, каковы ежедневно происходят, поливаема, и секирою жестокости правосудия упояема. Ниже в сих случаях требуется быти кому нетерпеливу, понеже несть ни единого, кто бы мог пользоваться сению какова древа великаго во дворе своем поставленного, аще бы оное малым пруточком от прадедов его не было посажено издревле. И бысть воля божеская, дабы дресеса и республики долгаго живота расли с трудностию и плоды свои поздно приносили; и самая высокоблагородная славной вол[ь]ности венецийского росада с премногим трудолюбием потщилась учинитися таковою, какову ныне видит ее свет, и древнии ея насадители, иного от нея не вкусили, точию труды и болезни к ея воспитанию, ныне два десятиколенные их внучата пользуются зеленезною, осенением и прохладом Ея. Ибо, хотя тысяча и сто лет прошло от нележе она возлегла в оных озерах, однако ж не вес[ь]ма еще есть такова, дабы она будучи толь совершенною и безопасною росадою истинныя вол[ь]ности, не боялося от ветреннаго принцов чужестранных надмения, ниже мразы домашних распрей и смуток. К сим делам, о гражданах мои, приложите разум, что не так права, хотя они премудрыя, и другия свойства, /л. 101/ иноу Вам упомянутые, суть оныя, которыя содержали, которые содержат, и которыя в вечном величии имеют содержати республику венецийскую, как дивнейшее и единственное в свете оных⁴⁰ ея озер местоположение, чего нам дати не может сердце животный источник каждаго г[осу]д[а]рства вол[ь]наго, якоже сведомцы Г[о]с[у]д[а]рственных дел все исповедуют, есть Сенат. И искусные мечники, егда немногими ударами хотят свалить неприятеля, нороят како бы попасть острием в сердце; також де принцы, хотящие опровергнуть республики, мещут первые удары на стол[ь]ный град вол[ь]наго Г[о]с[у]д[а]рства с намерением дабы точию расточити Сенат, которыя язвы толь суть смертныя, яко убивать каждую, мощнейшую вол[ь]ность, понеже она, сущу таким образом Сенату поражену, а сердцу республики сквозе прободену, скоро умирает. Подобнаго несовершенства не бывает в монархиях, которых величие имперское всегда зрится тамо, где обретается персона королевская, яко же изрядно искусил дука Гизский: сей завладением Парижа бол[ь]ше ускорил зло свое, нежели предварил собственное величие⁴¹. Цесарь диктатор ясно показал нам правду, онеже аз глаголю, ибо он возжелал учинитися /л. 101об/ тираном своего отечества единым точию расторжением Сената римскаго, поспешил на Г[о]с[у]д[а]рствование онаго Рима, который слезнонеразумным и смертным советом оставлен бысть от Помпея⁴²; дело, которое прежде его ведал, отведал, а не умел совершити его прямой воев учитель, единоточная Африки слава, Аннибал⁴³ и что после его зело превосходно познал и содействовал против флорентийцов и санезов, основатель величия монархии гишпанской Карл Пятый император⁴⁴. Сия толь смертная рана от многих пресил[ь]ных неприятелей, каковых оной Рим имел, отнюдь не могла датися республике венецийской, потому что столица Ея, где Сенат пребывает, есть офортификована и вооружена труднопронзателною броней озер. О которых делах яко же мню, пора заключити, что, аще, которые в отечестве нашем желают уставити житие вол[ь]ное, пусть имеют святое изволение, но не добромудрование, а которые хотят принца, и оных пусть будет намерок добр, а совет благ⁴⁵, токмо в постановлении сей н[а]шей важнейшей нужды, молю всех, да вспомнят, что шляхты флорентийские, которые за безвременством /л. 102/ крамол[ь]ного своего народа, не возмогли отнюдь в своем отечестве уставити совершенно формы вол[ь]наго жития, не терпя к тому лютых и кровавых своевольств простонародных, принуждены призвать тиранна чужестраннаго дуку Афинескаго⁴⁶, дабы чрез него учинить чрезвычайное жестокое оскорбление помянотому народу флорентийскому, яко зело злопорядочно вольность употребившему». Сицевыя яснододанные причины хотя от некоторых разумнейших и почтены за вел[ь]ми силныя, однако ж народ тем не удовол[ь]ствовался, и не склонился ко избранию новаго принца, понеже дума перемогла и стала на том, дабы жить в вол[ь]ности, и приговорено отправить послов в Венецию для получения от оной республики прав жития вол[ь]наго, что вскоре и учинено, с неповеримою магнифиценциею от республики венецийской приняты и угощены послы, и показаны им были магистраты, порядки, и все венецийские права, с которых послы взяв исправные списки, и многие регистры⁴⁷, отъехали и возвратясь в Митилин, объявили свой доезд, и в публичном сенате были чтены /л. 102об/ привезенные права, которые так всему народу, как бол[ь]шей части шляхетства зело неугодны и не нравны показалис[ь]. Ибо народ никоим образом не возмог того терпети, дабы оной по правам венецийским выключен был из общаго правител[ь]ства, говоря, что несть достойна называтися вол[ь]ною тая отчизна, где все не командуют. А шлехетные особы богатые, которые извыкли под монархию от ближайших фаворитов дворовые покупать себе м[и]л[о]сти, еще же и от принца срамотными услугами получать магистраты⁴⁸, учили роптать и говорит[ь], что оная отчизна есть вес[ь]ма нещасливая, где другому возбранялось свободное употребление собственных пенезей, которые от благоразумных человек с превеликим трудом копятся, не ради токмо покупки брашен и одежд, но ради стяжавания тех вещей от которых честь преумножается, и что

гражданином зело лутче было обретатися под господствованием одного принца, волю котораго иной может доставать многими средствами, нежели жить под обладанием прав не умолител[ь]ных, егда оныя другому даваны бывали от многочисленнаго Сената, где, понеже малого /л.103/ недостает, а многого, что потребно в руках иметь, нет тамо, принудить толь многих лиц к преступлению нельзя, и по сущей правде сказать можно, что оный сенат был нетленный⁴⁹, и что под монархией лучшие шляхетные особы начинали вступать в правител[ь]ство с самых главных чинов, а в республиках примизерной велся обычай, дабы вряд с убожайшими сенаторами начинать с самых нижних, и быти каждому принуждену степенно и с толиким коснением доходить в высочайшие чины, что целой век человек не доставал достигати их; и что жесточь, еже давати бы правител[ь]ствующие чины голой токмо заслуге, была едина из оных заповедей, которую издавна выдумали тираны ради низложения сил[ь]ных, а вознесения смиренных. Но в разрушении толиких неугодностей, трем четвертям шляхетства ничто ино так пуще не досадило, как жестокий магистрат ценсоров⁵⁰, у венециан употребляемый, которых ценсоров зело было непристанно великострашной присмотр иметь над поступками и обычаями каждого. Чего ради свободно рекли, что, аще в республике венецианской с шляхетством велся такова образа поступок, то шляхты венецианские в вол[ь]ности были рабы, а народы митилинские /л.103об/ в рабстве были свободны. Потом же за страх сицевых поведений, вси высоким гласом возопили, МОНАРХИЯ. А ежели бы кто впредь в отечестве митиланском хотел уставливать вол[ь]ность, то приговорили сожещи права и уставы, понеже они затвердили в разуме свое то, что совершенная де вол[ь]ность была там, где никто не подчиняется, все командуют, и всяк делал все на свой салтык.

НИОР РГБ. Ф.310. №885. Ведомости Парнасския. лл.97об-103об

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таким образом члены следственной комиссии над А.П. Волинским охарактеризовали книгу Юста Липсия «Увещения и приклады политические». См: Юсим М.А. Макиавелли в России: мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998. С.109.

² РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.189. Ч.1. Л.388.

³ Забелин И.Е. Материалы для русского индекса *Librorum prohibitorum*. Переписка о книгах Д.М. Голицына Макиавеливой и Бакалиновой // Библиографические записки. 1861. Т.3. №11. С.321, 323.

⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т.7. Л., 1968. С.385.

⁵ Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С.261.

⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.199. Л.177.

⁷ В «Резстре» 1737 г. под номером 8 значится «Камень опыта политическаго, рукописная, автора не написано». Благодаря отсутствию указания на авторство, следователи пропустили эту книгу Боккалини, которая могла им показаться еще более опасной, поскольку в ней содержались прямые выпады против деспотизма и невежества «великого княжества Московского». См: Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына. Приложение 1. Резстр взятый из дому князя Дмитрия Голицына книгам на российском языке // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С.241.

⁸ Юсим М.А. Макиавелли в России... С.88.

⁹ Там же. С.97.

¹⁰ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003. С.124.

¹¹ Голицын Н.В. Новые данные о библиотеке кн. Д.М. Голицына (верховника) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). 1900. Кн.4. Смесь. С.8.

¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.550. F.IV. 121.

¹³ Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С.242.

¹⁴ Соболевский А.И. Из переводной литературы петровской эпохи. СПб., 1908. С.27-28.

¹⁵ De' ragguagli di Parnaso del Signor Trajano Boccalini Romano centuria prima. In Amsterdam, appresso Giovanni Blaeu. MDCLXIX.

¹⁶ Для сравнения приведем заглавие одной и той же пятой «ведомости» в двух переводах.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – СПб ИИ РАН). Ф.36. Оп.1 №844. Л.7: «Спор произшедший между многими учеными, кое в прецветущей републике венецианской находится лутчее политическое уложение и кое преизрядное обыкновение есть достойно чрезвычайно похвале, и от самой пресветлейшей вол[ь]ности венецианской от самых ученых обще принять на разсуждение, еже постановлено и вершено».

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф.310. №885. Л.1об: «Понеже между многих учител[ь]ных особ произошел спор: кое в прецветущей републике венецианской было бы самое честное право политическое? Кое наилучшее поведение, достойное права чрезвычайнаго. Сего ради оная ж светлейшая вол[ь]ность венецианская, будучи единагласно от тех же учител[ь]ных особ выбрана судиею, учинила по тому спору решение и вершение».

¹⁷ Впрочем, наряду с точными здесь встречаются толкования неверные или весьма своеобразные. Иногда одни и те же слова даются в разных значениях. К примеру: л.7об «оратор – слагатель похвал», л.34 «ценсоры – справных дел вышние судьи», л.42об «поема – сложение стиха», л.43 «меценат – началник

- над учениками», л.52 «диктатор – композитор писем», л.55об «семинарии – дом детского воспитания», л.65об «меценат – протектор ученых», л.73 «аквалета – вода забвения», л.97 «дуэль – поединок», л.108 «цензоры – справщики», л.108об «менант – писец ведомостей», л.113об «капор – разбойник морской», л. 161 «арпия – некое монструм». Архив СПб ИИ РАН. Ф.36. Оп.1. №844.
- ¹⁸ Подробнее о Т. Боккалини и его политических взглядах см.: *Meinecke F. Machiavellism: The Doctrine of Raison D'Etat and its Place in Modern History*. New Haven, 1962. P.71-89; *Comparato V.I. From the Crisis of Civil Culture to the Neapolitan Republic of 1647: Republicanism in Italy between the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Republicanism. A Shared European Heritage. Volume I. Republicanism and Constitutionalism in Early Modern Europe / Edited by Martin van Gelderen and Quentin Skinner*. Cambridge, 2002. P.177-179; *Чекалов К.А. Историография, политическая теория, вольномыслие Сейченко // История литературы Италии. Т.III. Барокко и Просвещение. Под ред. М.А. Андреева. М., 2012. С.90-96.*
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф.310. №885. Л.205об-206.
- ²⁰ ПФА РАН. Ф.113. Д.78. *Лаппо-Данилевский А.С. «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Монография. Отдел 3. Гл.3-6. Л.166-167.*
- ²¹ См.: *Burke P. Tacitism, scepticism, and reason of state // The Cambridge history of political thought, 1450-1700 / Edited by J. H. Burns with the assistance of Mark Goldie*. Cambridge, 2006. С.484-491.
- ²² *Benoist C. Le Machiavélisme après Machiavel*. P., 1936. P.48.
- ²³ НИОР РГБ. Ф.310. №885. Л.267.
- ²⁴ Чивость (тчивость) – щедрость, великодушие, милость.
- ²⁵ НИОР РГБ. Ф.310. №885. Л.45. Курсивом дана цитата из Тацита (*История*, Кн.4).
- ²⁶ НИОР РГБ. Ф.310. №885. Л.235об.
- ²⁷ НИОР РГБ. Ф.310. №885. Л.
- ²⁸ *Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. Приложение. С.73.*
- ²⁹ «Пир был приготовлен, но гости оказались недостойны его». См: *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie par le Général de Manstein*. Lyon, 1772. Т.I. P.58.
- ³⁰ Волынский писал: «Слышно здесь, что делается у вас, или уже сделано, чтоб быть у нас республике. Я zelo в том сумнителен... понеже народ наш наполнен трусостью и похлебством, и для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради. Итак, хотя бы и вольные всего общества голоса требованы в правление дел были, однако ж бездельные ласкатели всегда будут то говорить, что главным надобно». См.: ЧОИДР. 1868. Кн.3. Отд.V. С.28.
- ³¹ Митилена (Митилини) – название о.Лесбос и его столицы в Средние века и раннее Новое время.
- Боккалини, видимо, не случайно выбирает это место действия, в самом начале романа Лонга «Дафнис и Хлоя» дается описание города, напоминающего внешне Венецию: «Прорезан каналами он, – в них тихо вливается море, – и мостами украшен из белого гладкого камня. Можно подумать, что видишь не город, а остров» (I, 1).
- ³² Т.е. рубин и алмаз.
- ³³ Боккалини имеет в виду восставшие против испанской монархии нидерландские провинции, которые рассматривались в ту эпоху как часть Германии, т.е. «Священной Римской империи германской нации».
- ³⁴ В оригинале – Signora.
- ³⁵ На полях «сок».
- ³⁶ В оригинале – Cittadino di Magistrato.
- ³⁷ На полях «г[осу]д[а]рственных тайных».
- ³⁸ На полях вместо «на стат бывают» – «пригожествуют».
- ³⁹ На полях «платан некое древо широколиственное, репина».
- ⁴⁰ На полях «помянутых».
- ⁴¹ Генрих Лотарингский герцог де Гиз (1550-1588) – активный участник религиозных войн во Франции, глава Католической лиги. В мае 1588 г. восставший Париж изгнал Генриха III и открыл ворота герцогу Гизу, который видел себя уже на троне Франции, однако в декабре 1588 г., прибыв на Генеральные штаты в Блуа, он был убит по приказу короля.
- ⁴² Имеются в виду события гражданской войны в Древнем Риме (49-45 гг. до н.э.), когда в январе 48 г. до н.э. Цезарь, перейдя Рубикон, направился к Риму, между тем как Помпей оставил столицу вместе с большей частью сенаторов.
- ⁴³ Карфагенский полководец Ганнибал в 217 г. до н.э., разбив римскую армию у Тразименского озера, несмотря на то что дорога на столицу была открыта, не решился двинуться на Рим.
- ⁴⁴ В ходе Итальянских войн (1526-1530) армия Карла V разграбила Рим (1527), а позже захватила Флоренцию (1529), окончательно уничтожив здесь республиканский строй.
- ⁴⁵ А. Васильев принимает здесь (*h*) *abbiano* за императив, вместо конъюнктива, в оригинале же заключение митиленского гражданина звучит более определенно: «che nella patria nostra desiderano instituire il viver libero, habbiano santa volontà, non buona prudenza, e che di quei, che vogliono il Principe, sia buone l'intentione, ottimo il consiglio». Т.е. желающие «вольности» охвачены «святым стремлением, но не обладают основательным благоразумием», в то время как сторонники монархии «как доброе намерение, так и совет наилучший держат». См.: *De' ragguagli di Parnaso del Signor Traiano Boccalini*. Amsterdam, 1669. P.177.
- ⁴⁶ Готье де Бриенн, герцог Афинский (1302-1356) – капитан и пожизненный протектор Флоренции (1342-1343), попытался уничтожить здесь республиканские институты и был изгнан в результате восстания 1343 г. Позже коннетабль Франции, погиб в битве при

Пуатье. См.: Макиавелли Н. История Флоренции. XXXIII-XXXVII.

⁴⁷ На полях «описи действ».

⁴⁸ На полях «главные правительствующие чины».

⁴⁹ На полях «чистый, закуплен быть не могущий».

⁵⁰ На полях «суд надзора».

**«ADVERTISEMENTS FROM PARNASSUS»
BY T. BOCCALINI AND ITS RUSSIAN READERS:
ON THE INFLUENCE OF REPUBLICAN IDEAS
IN THE FIRST THIRD OF THE EIGHTEENTH-CENTURY**

© 2015 S.V. Polskoy

The National Research University Higher School of Economics, Moscow
Volga Branch of Institute of Russian History of RAS, Samara

The article examines the history of Russian translations of «*Ragguagli di Parnaso*» (1612-13) by Italian satirist and political writer Traiano Boccalini and the influence of his ideas to Russian statesmen in the first half of the 18th century. The attachment contains an extract from Andrey Vasiliev's translation of «*Advertisements from Parnassus*» (1728), which describes the difficult choice of Mitilene's citizens between monarchy and republic.

Key words: Russian political thought in Eighteenth-century, republicanism, tacitism, Traiano Boccalini, Dmitry Golitsyn, Artemy Volynsky.